

УДК 159.9.01

Знаков В. В.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13/1, Российская Федерация

ПОНИМАНИЕ НЕВОЗМОЖНЫХ СОБЫТИЙ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Постановка и анализ новой психологической проблемы – понимания субъектом событий, которые можно характеризовать как невозможные.

Процедура и методы. Проблема решается с позиций психологии возможного. Правомерность её постановки обосновывается указанием на существующие в психологической науке немногочисленные исследования невозможного Я, альтернативных жизненных историй, потребности в трансцендентном, противоречащем реальному. Невозможное анализируется как неотъемлемый компонент экзистенциального опыта субъекта, понимающего мир.

Результаты. Осуществлена классификация категориальных признаков обсуждаемого феномена и выделены пять значений категории «невозможное». Значения зависят как от объективных обстоятельств, так и от знаний и ожиданий познающего субъекта: противоречие между логически допустимым и физически недопустимым; «беспричинность» события; неправдоподобие; неизвестное как невозможное; бессмысленность «ситуаций невозможности».

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье понимание невозможных событий и ситуаций анализируется с точки зрения новой области психологических исследований – психологии возможного. Её развитие необходимо для совершенствования способов перебора альтернатив в искусственном интеллекте, психологического исследования вариантов жизни и других областей человеческого бытия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

понимание, детерминация, возможное, правдоподобное, невозможное

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-013-00032 «Психология понимания: от когнитивных исследований к герменевтическому анализу и психологии человеческого бытия».

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Психологические исследования невозможного](#)

[Пять типов невозможных событий](#)

[Заключение](#)

V. Znakov

Russian Academy of Sciences

13, ul. Yaroslavskaya, Moscow 129366, Russian Federation

UNDERSTANDING OF THE IMPOSSIBLE EVENTS AS A PROBLEM OF PSYCHOLOGY OF HUMAN BEING

ABSTRACT

Aim is to formulate and analyze a new psychological problem where the subject's understanding of events that can be characterized as impossible.

Methodology. The problem is solved with use of the psychology of the possible. The relevance of this problem is proved by the few studies of the impossible I, alternative life stories, the need for the transcendental, which contradict to everything real, which already exist in psychological science. The impossible is analyzed as an integral component of the existential experience of the subject who understands the world.

Results. The classification of categorical features of the discussed phenomenon has been carried out and five meanings of the "impossible" category have been identified. The meanings depend both on objective circumstances and on the knowledge and expectations of the knowing subject: the contradiction between the logically permissible and the physically unacceptable; "causelessness" of the event; implausibility; the unknown as impossible; meaninglessness of "situations of impossibility".

Research implications. In the article analyzes the understanding of impossible events and situations from the point of view of a new area of psychological research - the psychology of the possible. Its development is necessary to improve the methods of enumerating alternatives in artificial intelligence, the psychological study of life options and other areas of human existence.

KEYWORDS

understanding, determination, possible, plausible, impossible

ACKNOWLEDGMENTS

The research was funded by RFBR, project number 19-013-00032 "Psychology of Understanding: From the Cognitive Research towards Hermeneutic Analysis and Psychology of Human Being".

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития психологической науки в качестве основных единиц психики обычно рассматриваются интегративные образования, основанные на трансформации структур индивидуального опыта человека. В психологии человеческого бытия события и ситуации рассматриваются именно как интегративные единицы [9]. Одна из их отличительных особенностей заключается в смысловой насыщенности и ценностной значимости для субъекта. Другая характеристика событий и ситуаций как единиц

анализа в психологии человеческого бытия связана с невозможностью их описания с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становится для человека субъективно значимым событием только в результате осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта. Естественно, что психологически событие формируется где-то на границе достоверного осознаваемого вербализованного знания и экзистенциального опыта субъекта [8, с. 203, 204].

Центральной проблемой психологии человеческого бытия является понимание, основанное в большинстве случаев на разных фокусах внимания, углах зрения на событие и потому неодинаковое у общающихся людей. Из плюрализма мнений, множественности интерпретаций следует, например, нередкое и даже закономерное расхождение реальных событий и вербальных фактов в средствах массовой информации [12]. Сообщения СМИ – это всегда уже проинтерпретированные факты, а не какие-то якобы первичные данные о том, «как всё произошло на самом деле». Несколько очевидцев наблюдали событие под разными углами зрения, поэтому неудивительно, что они и описывают его неодинаковыми способами. Результатом оказывается не единообразие, а множественность описаний произошедшего. «Таким образом, реальное событие, отображаясь в медиатексте, теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Аудитория воспринимает только одну “грань” события, актуализированную в данном журналистском тексте (с определённой оценкой, коннотацией, эмоциональной характеристикой), иные аспекты, оказываясь за “границей” текста, выпадают и из поля зрения реципиентов» [12, с. 116]. Более радикальная точка зрения отражена в известном и весьма распространённом суждении: «в политике реальность никому не нужна; главное то, что кажется реальностью доверчивым массам (а эту “кажущуюся реальность” творят СМИ)» [8, с. 32].

Множественность возможных интерпретаций побуждает психологов обратиться к анализу соотношения действительного и возможного, а также его семантического антипода – невозможного. Сегодня это особенно актуально в контексте психологии возможного – нового перспективного направления исследований. В ней психология понимания человеком мира исследуется как такая интерпретация действительного, которая потенциально содержит в себе прогнозирование возможного. Диапазон рассматриваемых проблем включает два крайних полюса континуума «осознаваемое – неосознаваемое», на которых осуществляются когнитивная и экзистенциальная интерпретация психологического содержания личности. Когнитивный полюс интерпретации представляет собой решение познавательной задачи для получения новых знаний о личности. Экзистенциальная интерпретация направлена на анализ духовной составляющей личности как тайны. Между ними на шкале «сознательное – бессознательное» находится личностный кризис как невозможность осмысления трудной жизненной ситуации [7].

Цель исследования – проанализировать семантические и психологические аспекты понимания субъектом событий, которые можно характеризовать как невозможные.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕВОЗМОЖНОГО

В современной психологии уже появились исследования, направленные на анализ невозможного как компонента человеческой психики. Их актуальность обусловлена тем, что в сознании современных людей возможное, допустимое по законам физического и социального миров, непротиворечиво уживается с невозможным – магией, верой в чудеса и т. п. Так происходит во всех странах. В просвещённом технологичном XX в. вера в колдовство, хиромантию, НЛО, лох-несское чудовище проявляется не в меньшей степени, чем в прошлые столетия. В нашем отечестве миллионы россиян верили в то, что А. М. Кашпировский способен излечивать физические недуги на расстоянии, А. В. Чумак тоже удалённым способом может заряжать воду, наделяя её целебными свойствами, и т. п. У их адептов, воспринимающих такие «чудеса», дифференциация между воображаемым и действительным не абсолютна, граница между ними весьма неустойчива. Во время просмотра телепередач невозможные объекты и события пересекают границу и внедряются в сферу обыденной действительности. Результаты психологических исследований дают основание «предположить, что вера в неперманентность существования и вера в реальность необычных явлений представляют собой ветви одного дерева – наличия в психике современного человека особой потребности, которую мы называли “потребностью в необычном” или “потребностью в трансцендентном”. Для удовлетворения этой потребности индивид стремится не просто к чему-то новому, а именно к необычному, нарушающему основы современной научной картины мира, выходящему за рамки возможного. Можно думать также, что неудовлетворённость этой потребности в современных рационализированных культурах лежит в основе повышенного интереса современного человека к сказкам, мифам, фантастическим произведениям, исследованиям необычных явлений и всему тому, что удовлетворяет “трансцендентальный голод”» [15, с. 390].

Мир, в котором мы живём, развивается по определённым законам, согласно которым объективно существует не только возможное, но и невозможное: человек не может свободно проходить сквозь каменную стену, предметы не могут сами перемещаться в пространстве без внешних воздействий и т. п. «Возникает вопрос, какую роль подобные “невозможные” феномены могут играть в обыденной жизни человека. Используя термины гештальтпсихологии, можно предположить, что их наиболее очевидная функция состоит в создании “фона”. Действительно, характеризуя невозможные феномены как “ложные”, человек всё же нуждается в них, поскольку они составляют оппозицию тому, что он считает истинным. Таким образом, если

возможные феномены рассматривать как “фигуру”, то невозможные займут положение “фона”. Помимо того, что невозможные феномены постоянно воспроизводятся воображением, они культивируются в альтернативных, необыденных реальностях, таких, как: цирк (институт “цирковых волшебников” и фокусников), сновидения, визуальная и виртуальная реальности» [15, с. 361]. Невозможные феномены, помимо роли «фона», выполняют и другие функции в жизни субъекта. «В тех ситуациях, в которых рациональное мышление неприменимо или неэффективно, современный человек может прибегать к магическим манипуляциям с целью взять под контроль свои страхи и переживания (например, при мысли о возможности собственной гибели или гибели близких). Эта защитная, терапевтическая роль невозможных феноменов, будучи иллюзорной, тем не менее, значима в жизни индивида» [15, с. 368]. Нерациональные и бесполезные с когнитивной точки зрения невозможные феномены оказываются психологически полезными в эмоциональной сфере понимающего мир субъекта.

В наши дни уже типичными становятся исследования невозможного «Я» как неотъемлемого составляющего личности. В человеческом бытии существуют ситуации, когда возможности субъекта переживаются им самим как «невозможности». В них актуализуется невозможное «Я» как проявление значимого возможного «Я», которое испытывает влияние руминации – непреодолимой привычки всё переосмысливать: повторяющиеся переживания, совершённые ошибки, пережитые обиды и т. п. В эмпирическом исследовании выявлены связи невозможного «Я» с высоким уровнем нейротизма, негативизма, а также выраженной тенденцией к самообвинению [6].

Невозможное как один из психологических механизмов формирования и развития личности отчётливо проявляется в исследованиях альтернативных жизненных историй. Некоторые нереализованные шансы, альтернативные варианты развития событий не смогли воплотиться в жизнь, но они сохраняются в психике субъекта, его подсознании. Они отражают хотя и неосознаваемый, но возможный жизненный сценарий, основанный на неприятной, отвергнутой человеком смысловой картине мира [1]. Нереализованная возможность, отвергнутый субъектом вариант саморазвития может развиваться им в виде альтернативной жизненной истории. «Традиционно считается, что жизненный выбор – это своего рода развилка, пройдя которую человек оставляет невыбранный вариант позади, в своём прошлом. Однако анализ биографических историй показывает, что неслучившаяся ситуация может развиваться человеком параллельно его основному жизнеописанию – в виде альтернативной жизненной истории. Она продолжает оставаться частью его актуального автобиографического дискурса, содержащего нереализовавшиеся или отвергнутые возможности, превращаясь в своего рода возможное Я. Альтернативная жизненная история часто создается в точке “перегиба” и связана с переломным событием жизни, которое нарушает не-

прерывность и взаимосвязанность линии времени и Я-концепции. Однако, несмотря на свой альтернативный характер, эта история усиливает тематическую согласованность автобиографии, поскольку пронизана основными ценностями и жизненными принципами человека, которые по-прежнему остаются актуальными в его жизненном пространстве. Таким образом, альтернативная история темпорально дезинтегрирует жизненную историю, а тематически интегрирует её» [2, с. 267–268].

ПЯТЬ ТИПОВ НЕВОЗМОЖНЫХ СОБЫТИЙ

Прежде чем анализировать понимание невозможных событий, необходимо хотя бы приблизительно классифицировать категориальные признаки обсуждаемого феномена. В современной научной литературе представлены по меньшей мере пять значений категории «невозможное», зависящих как от объективных обстоятельств, так и от знаний и ожиданий познающего субъекта.

1. Невозможность – это существующее у субъекта противоречие между логически допустимым (не противоречащим законам логики) и физической недопустимостью практической реализации действия (противоречием законам природы). В частности, невозможно привезти из леса на легковом автомобиле большую новогоднюю ель высотой 50 метров.

Применительно к естественным наукам продуктивную попытку классификации невозможных событий и процессов предпринял американский физик М. Каку. Он выделил три типа невозможного. К первой категории относятся технологии, сегодня пока ещё невозможные, но не нарушающие известные науке законы природы (телепортация, двигатели на антивеществе, телепатия, телекинез). Вторая категория включает невозможности другого типа: это технологии, лишь недавно возникшие в научных представлениях о физическом мире. Если они вообще возможны, их реализация может растянуться на тысячи или даже миллионы лет (машины времени, возможность гиперпространственных путешествий и путешествия сквозь кротовые норы). Последнюю категорию американский физик называет невозможностями третьего типа: «Это технологии, которые нарушают известные нам физические законы. Удивительно, но невозможных технологий этого типа оказалось очень мало. И если когда-нибудь окажется, что они тоже возможны, это будет означать фундаментальный сдвиг в наших представлениях о физике» [10, с. 21–22]. К этой категории невозможного относятся вечный двигатель и предвидение будущего.

Из классификации М. Каку следует, что люди характеризуют что-то как невозможное либо по причине недостаточности современных знаний и отсутствия соответствующих навыков, либо вследствие внутренних свойств самого объекта познания. Вот как об этой взаимосвязи человеческого разума и противостоящего ему мира писал Н. Н. Талеб: «Сейчас мы попробуем разобраться в том, что не принято афишировать: в структурных ограничениях нашей воз-

возможности предсказывать. Эти ограничения накладываются не человеческой природой, а природой самой этой деятельности – слишком сложной не только для нас, но и для любых инструментов, которые есть или когда-либо окажутся в нашем распоряжении. Отдельные Чёрные лебеди вечно будут неуловимы, значит, удач в прогнозировании нам не ждать» [16, с. 275–276].

2. Как невозможные человек понимает и воспринимает «беспричинные» события – те, единственную причину возникновения которых определить нет никакой возможности. Следовательно, такие события невозможно предсказать. Между тем их немало, и они значимы для человечества. К ним относятся Первая мировая война, Великая депрессия в США 1929–1933 гг., распад СССР и др. В XXI в. высокоразвитая наука и медицинские технологии не помогли учёным предсказать возникновение пандемии COVID-19. Все эти события до их наступления оценивались людьми как невозможные. Н. Н. Талеб называет такое невозможное событие Чёрным лебедем, обладающим тремя характеристиками: «Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [16, с. 14]. Обобщающим утверждением автора служит положение о том, что миром движет аномальное, неизвестное, неправдоподобное, невозможное с точки зрения наших нынешних знаний. При этом он приводит весомые аргументы против связи причин и следствий, которые свидетельствуют о том, что у каждого события может быть бесконечное число возможных причин [16, с. 30, 100].

Основная причина определения некоторых событий и ситуаций как невозможных заключается в принципиальной невозможности их предсказания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания учёным ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека [7, с. 168]. В какой-то момент психолог становится способным честно сказать: «Я знаю, что этого не знаю и вряд ли когда-нибудь смогу узнать». Это значит, что он достиг ведающего, умудрённого неведения, о котором говорил ещё Н. Кузанский [11]. Иначе говоря, психолог осознал непостижимость предмета своего исследования.

В мире человека принципиально невозможно определить причины или последствия многих событий и ситуаций. Например, мэр мегаполиса ни при каких условиях не может знать, где именно может прорвать трубу, а руково-

дители спецслужб – обо всех готовящихся терактах. Примеры подтверждают очевидное: существуют такие сложные многомерные ситуации, в которых люди никогда не смогут узнать все причины их последующего изменения. Иначе говоря, причины непознаваемы [7, с. 171]. В науке применительно к эмпирической реальности давно известно, что нельзя одновременно точно определить координаты и импульс элементарных частиц: чем точнее измеряется одна характеристика, тем менее точно можно измерить другую. Причём это не связано с несовершенством методов измерения или измерительных приборов, а является следствием объективных свойств микрообъектов, их двойственной корпускулярно-волновой природы. Эта закономерность отражена в принципе неопределённости В. Гейзенберга.

Пониманию субъектом невозможных событий препятствуют трудности, испытываемые им при объединении элементов в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но всё-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание – это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта [7, с. 173]. А когда мы имеем дело с невозможным, нельзя однозначно выявить причины и следствия событий и явлений – они детерминированы случайным для понимающего мир субъекта способом.

С точки зрения методологии современной науки возникновение невозможных событий неудивительно, потому что в течение XX в. кардинально изменились научные представления о детерминизме. Многие из того, что раньше считалось случайным, теперь анализируется учёными как вполне закономерное. В классической науке научная рациональность рассуждений учёных была направлена на поиск вечных и неизменных законов, описываемых истинными суждениями о природе и обществе. Сегодня, после работ И. Пригожина, М. Н. Эпштейна и других учёных, стало очевидно, что в мире человека, включающем природу, существуют как минимум два типа законов. Одни направлены на объяснение необходимого, того, чего не может не быть, другие – возможного, того, чего нет в действительности: оно может быть, а может и не быть [13; 14; 19]. Заметим, что законы первого типа проявляются прежде всего в эмпирической реальности, а второго – в социокультурной и, особенно, в экзистенциальной реальностях.

В наше время уже очевидно, что в мире человека сфера применения детерминизма в его классическом понимании не универсальна, а ограничена: «Детерминизм, долгое время казавшийся символом научного познания, в настоящее время сведён до положения свойства, справедливого только в ограниченном круге ситуаций» [13, с. 97]. В мире человека такими ситуациями являются только те (простые и устойчивые), которые относятся к эмпирической реальности. В социокультурной реальности лапласовский жёсткий детерминизм, напротив, мешает пониманию событий. Для обоснования этого тезиса приведём пространную цитату из работы крупного философа и по-

литического теоретика Х. Арендт: «То, что несоответствие между “причиной и следствием” достигло таких размеров, что в конце концов стало комичным, стало одним из отличительных признаков современной истории и политики – и, между прочим, одной из основных причин того, почему для современных историков и идеологов так соблазнительны представления об объективной причинности или суеверная вера в необходимость, будь то необходимость гибели или спасения. Однако некоторое несоответствие между объективными элементами и свободным действием людей, с одной стороны, и событием – с его величественной необратимостью, оригинальностью и избытком смыслов – с другой, присутствует всегда и пронизывает всю человеческую реальность. Это также причина того, почему мы не знаем ни одного исторического события, которое не зависело бы от огромного числа совпадений или для которого мы не могли бы представить одну или несколько альтернатив. Необходимость, из которой сознательно или бессознательно исходит вся каузальная историография, не существует в истории. Что реально существует, так это необратимость самих событий, пронзительная эффективность которых в сфере политического действия означает не то, что отдельные элементы прошлого получили свою окончательную, определенную форму, а что родилось нечто неотвратимо новое» [3, с. 532].

Невозможность применимости лапласовского детерминизма применительно к событиям обусловлена, в частности, тем, что они принадлежат одновременно и прошлому, и будущему. Любое событие означает конец какого-то промежутка человеческой истории, истоками которого стали компоненты, элементы произошедшего. Однако будущее развитие события ни в коем случае не сводится к составляющим его элементам. Причины события потому нельзя вывести, только обратившись к его истокам, что в социокультурной реальности любое развитие выходит за пределы наличного. Событие как будущее определяется мотивами, стремлениями, действиями людей – всем тем, что Х. Арендт называет сферой человеческой свободы.

Наряду с «беспричинностью» нужно иметь в виду, что в мире человека случаются события, причины которых искать не только безрезультатно, но и бесполезно: они произошли «не из-за прошлого, а для будущего». Сегодня во всём мире происходят теракты в местах больших скоплений людей. И пострадавшим бесполезно спрашивать: «Почему я, за что мне это?» Ни за что: он (она) стал(а) жертвой не потому, что до этого поступал(а), вел(а) себя неправильно. Террористы его (её) даже не знали и о нем (ней) не думали. Цели террористов всегда устремлены в будущее, их задача – запугать и заставить выполнить свои требования не пострадавшего, а совсем других людей. Другими словами, целью является не наказание, а предупреждение [8, с. 423].

3. Невозможное часто отождествляется с неправдоподобным. В науке появление невозможного может служить индикатором кризисного состояния принимаемой сообществом учёных парадигмы: при увеличении не соот-

ветствующих ей, неправдоподобных, маловероятных данных возникает вопрос о её переосмыслении. Более общий контекст понимания невозможного как неправдоподобного нетрудно найти в истории человечества. Как известно, она полна не только несбывшихся прогнозов, но и, наоборот, реализации того, что незаурядные умы считали невозможным. Лорд Кельвин говорил, что летательные аппараты (самолёты) тяжелее воздуха и никогда не взлетят. «Он считал рентгеновские лучи обманом и был уверен, что у радио нет будущего. Лорд Резерфорд, открывший атомное ядро, отрицал возможность создания атомной бомбы и сравнивал любые попытки такого рода с “погоней за солнечным зайчиком”» [10, с. 15]. Подобных примеров множество, и они порождают необходимость отличия невероятного, неправдоподобного от действительно невозможного.

Трудности понимания некоторых событий и ситуаций человеческого бытия также связаны с нередко возникающими у современного человека трудностями определения онтологии социального мира. Такие трудности неизбежны при нарушении наших ожиданий, порождающих невозможность совместить очевидное с, казалось бы, невероятным. Иногда происходящее настолько расходится с привычным для субъекта течением бытия, что его почти невозможно признать реальностью [8, с. 424]. Показательный пример есть в книге В. А. Шкуратова о событиях 11 сентября 2001 г. Собеседник журналиста «рассказал о впечатлениях своего знакомого. Тот ехал из нью-йоркского аэропорта и смотрел на горящие небоскрёбы. Он видел пожар, но не мог признать его за реальность. Это был вымысел. Признать подлинность зрелища оказалось крайне трудно. В этих отрывочных впечатлениях просматриваются контуры смещенной онтологии, в которой реальность и вымысел поменялись местами. В спорах между сторонниками социального конструкционизма и доктрины отражения, похоже, наступает решающий перелом. Картина перед глазами человека фиктивна (сконструирована) и в то же время перцептивно реальна. Она вынесена за пределы той условной рамочности, которая позволяла воспринимать её в качестве “как бы реальности” и помещена туда, где раньше находилась реальность без “как бы”» [18, с. 22].

4. Нередко невозможным считается неизвестное: «У невозможности тоже эпистемический аналог — неизвестность, непознаваемость, непостижимость, немыслимость, непредставимость, недопустимость. Если незнание — это отсутствие знания, то непознаваемость, немыслимость и другие синонимы этого модального ряда указывают на принципиальную невозможность знания, то, что описывается философски как агностицизм» [19, с. 207]. На первых этапах решения творческих задач неизвестное часто кажется субъекту невозможным. Хороший пример содержится в статье о деятельностном потенциале категории «незнание» [17]. Преподаватель обсуждает со студентами проблему устойчивости небоскрёба, построенного с большим углом наклона: «Падающая башня Абу-Даби – футуристический небоскрёб в столице

Объединённых Арабских Эмиратов. Это уникальный небоскрёб, примыкающий к Национальному выставочному центру. Ещё на этапе строительства небоскрёб был внесён в Книгу рекордов Гиннеса как здание с самым большим наклоном в мире. Здание имеет статус «наиболее сложного архитектурного и инженерного проекта». При значительном смещении вертикальной оси здание обладает высокой устойчивостью и безопасностью, а его гибкая волнообразная форма помогает создать необходимое затенение» [17, с. 80]. Наклон здания значительно больше, чем у знаменитой Пизанской башни в Италии – 18°, а не 4°, как в Пизе. Затем в статье приводится суждение профессионала: «Инженер по конструкциям Мона Васингх, описывая работу над проектом Capital Gate, говорит: «Когда я увидела проект, подумала, что его невозможно построить! Архитекторам нарисовать здание проще, чем нам воплотить его в реальность. Это на грани возможного. Без озарения здесь не обойтись»» [18, с. 81–82]. И такая реакция – не редкость, неизвестное во многих областях кажется нам невозможным.

5. В психологии невозможным часто называют то, что не имеет смысла, для чего его трудно найти. В теориях В. Франкла и Ф. Е. Василюка потеря смысла жизни переживается субъектом как такое невозможное, которое нужно преодолеть. В частности, «переживание есть особая деятельность, назначение которой состоит в преодолении ситуаций «невозможности», в восстановлении или порождении осмысленности жизни» [5, с. 466]. В экзистенциальной реальности в таком психическом состоянии человек оказывается во время кризисной ситуации – невозможности жить, реализовать внутренние необходимости своей жизни. Напомню, что Ф. Е. Василюк понимал критические ситуации именно как внутреннее состояние невозможности реализации субъектом своих стремлений, мотивов, ценностей. При этом типам состояний невозможности и реализуемости многих ситуаций соответствуют свои типы состояний возможности [4]. Невозможность проявляется не только в кризисе: экзистенциально невозможным является желание человека стать, к примеру, директором института, противоречащее его реальным знаниям, умениям и навыкам. Другой пример – нереализуемое ни сейчас, ни в обозримом будущем желание субъекта стать обладателем очень дорогого автомобиля Ferrari.

Исследование психологических характеристик невозможного для экзистенциальной реальности является актуальной научной проблемой. Изучая её, учёные имеют дело не с массовыми явлениями, а с настолько маловероятными, неправдоподобными событиями, что они кажутся невозможными (в приведённом выше эпизоде из книги В. А. Шкуратова человек видел горящие небоскребы, но неправдоподобность увиденного мешала ему признать происходящее реальностью). Неправдоподобность событий препятствует адекватному осмыслению, порождению их смысла. После событий 11 сентября 2001 г. потребность многих американцев в совладании с их психологически-

ми последствиями привела к появлению большого числа теорий заговора, большинство из которых по своей сути иррациональны: «Теория заговора всегда является иррациональной из-за нарушенной доказательной базы. Согласно теории познания, подобные объяснения могут складываться из-за параноидального выражения бессилия в ситуации, когда факты и их логика становятся психологически непонятными и невыносимыми. Теоретик заговора пытается сохранить последние остатки убедительности своих объяснений, видя, что кто-то относится к нему неуважительно, хотя они не должны были относиться так. “Они” хотят причинить нам вред – и это тоже важный секрет. При этом довольно неясно, кто такие “они”» [20, р. 124]. Убеждения теоретиков заговоров являются до крайности неправдоподобными: согласно одной из них, американцы изначально умнее и лучше арабов. Арабы не могли незаметно спланировать теракт и взорвать башни, значит, это сделало американское правительство: «События 11 сентября слишком значимы, и их сложно понять, используя наши повседневные модели понимания. Таким образом, это было невозможное событие. Масштабы разрушений, очевидно, были понятны и хорошо задокументированы. Тем не менее, люди не могли поверить в эти факты. Подобный когнитивный диссонанс был достаточно болезненным, и чтобы его преодолеть, необходимы некоторые механизмы снижения тревоги» [20, р. 127–128].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Постановка проблемы понимания невозможных событий и ситуаций обусловлена развитием новой области психологических исследований – психологии возможного. В ней возможное интерпретируется как анализ альтернатив, потенциально или реально присутствующих в ситуациях человеческого бытия. Задача психолога – изучить, как, по каким основаниям субъект выбирает одни варианты возможных ходов, варианты жизни и т. п. и отвергает другие.

2. Как возможное, так и невозможное представляют собой неочевидное, скрытое, латентное, психологический анализ которого очень актуален для современного научного познания. Исследование названных феноменов должно основываться на таком переосмыслении детерминации психического, согласно которому случайное следует рассматривать как закономерное проявление научной картины мира.

3. Невозможное является неотъемлемой частью экзистенциального опыта понимающего мир субъекта. Актуальная задача психологических исследований – определить, как из онтологической случайности и неупорядоченности мира может возникать гносеологическая упорядоченность возможного и невозможного. Сегодня невозможно понять мир без анализа такого мысленного структурирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесян М. О. Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. № 11 (61). URL: <http://psystudy.ru/index.php/nim/2018v11n61/1619-avanesyan61> (дата обращения: 21.04.2019).
2. Аванесян М. О. Возможные я: на пути от прошлого к будущему // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. С. 283–282.
3. Арндт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / пер. с англ. Е. Бондал, А. Васильевой, А. Григорьева, С. Моисеева. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 712 с.
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
5. Василюк Ф. Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система: дис. ... докт. психол. наук. М., 2007. 560 с.
6. Гришутина М. М., Костенко В. Ю. Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструкторов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. № 3. С. 268–279.
7. Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Издательство Института психологии РАН, 2020. 257 с.
8. Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Издательство Института психологии РАН, 2016. 488 с.
9. Знаков В. В., Рябкина З. И. Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017. 416 с.
10. Каку М. Физика невозможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 586 с.
11. Кузанский Н. Об ученом незнании. О предположениях. Сретенск: МЦИ-ФИ, 2000. 248 с.
12. Мохирева С. В. Реальное событие и вербальный факт в текстах российских СМИ // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 114–117.
13. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. М.: Прогресс, 1994. 272 с.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2014. 304 с.
15. Субботский Е. В. Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007. 423 с.
16. Талб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Коллибри, Азбука-Аттикус, 2016. 736 с.
17. Чарикова И. Н., Каргапольцев С. М., Лихненко Е. В. Деятельностный потенциал категории «незнание» в эпистемологическом пространстве образовательной парадигмы // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 1. С. 77–86.
18. Шкуратов В. А. От Манхеттена до «Норд-Оста». Психология масс-медиа, политика после 11 сентября 2001 года. Самара: СамИКП-СНЦ РАН, 2002. 102 с.
19. Эпштейн М. Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.
20. Airaksinen T. Conspiracy as a Dirty Secret: The Case of 9/11 // Homo Economicus. 2009. № 1. P. 123–141.

REFERENCES

1. Avanesyan M. O. [Alternative Autobiographical History as a Component of the Possible "I"]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research], 2018, № 11 (61). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1619-avanesyan61> (accessed: 21.04.2019).
2. Avanesyan M. O. [Possible Selves: On the Way from the Past to the Future]. In: Grishina N. V., ed. *Psikhologiya lichnosti: Prebyvanie v izmenenii* [Personality Psychology: Being in Change]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2019, pp. 283–282.
3. Arendt H. *Essays in Understanding, 1930–1954: Formation, Exile, and Totalitarianism* (Russ. ed.: Bondal E., Vasil'eva A., Grigor'ev A., Moiseev S. *Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm*). Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018. 712 p.).
4. Vasilyuk F. E. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kri-ticheskikh situacij)* [Psychology of Experience (Analysis of Overcoming Critical Situations)]. Moscow, Moscow University Publ., 1984. 200 p.
5. Vasilyuk F. E. *Ponimayushchaya psikhoterapiya kak psikhotehnicheskaya sistema: dis. ... dokt. psikhol. nauk* [Understanding Psychotherapy as a Psychotechnical System : PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2007. 560 p.
6. Grishutina M. M., Kostenko V. Yu. [Possible and Impossible "I": Clarification of Constructs]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 268–279.
7. Znakov V. V. *Psikhologiya vozmoznogo: Novoe napravlenie issledovaniy ponimaniya* [Psychology of the Possible: A New Direction of Research on Understanding]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020. 257 p.
8. Znakov V. V. *Psihologiya ponimaniya mira cheloveka* [Psychology of understanding the human world]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. 488 p.
9. Znakov V. V., Ryabikina Z. I. *Psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of human existence]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 416 p.
10. Kaku M. *Fizika nevozmoznogo* [Physics of the impossible]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2019. 586 p.
11. Kuzanskij N. *Ob uchenom neznanii. O predpolozheniyakh* [About scientific Ignorance. About Assumptions]. Sretensk, Interfaith Center for Historical and Philosophical Research Publ., 2000. 248 p.
12. Mokhireva S. V. [Real Event and Verbal Fact in the Texts of the Russian media]. In: *Zhurnalistskij ezhegodnik* [Journalist Yearbook], 2012, no. 1, pp. 114–117.
13. Prigozhin I., Stengers I. *Vremya, khaos, kvant: k resheniyu paradoksa vremeni* [Time, Chaos, Quantum: To the Solving of the Time's Paradox]. Moscow, Progress Publ., 1994. 272 p.
14. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy* [Orderliness from Chaos: The New Dialog between Human and Nature]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2014. 304 p.
15. Subbotsky E. V. *Stroyashheesya soznanie* [Consciousness under Construction]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 423 p.

16. Taleb N. N. *Chernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan. Under the Sign of Unpredictability]. Moscow, Ko-Libri, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 736 p.
17. Charikova I. N., Kargapolczev S. M., Likhnenko E. V. [Active Potential of the category of "Ignorance" in the Epistemological Space of the Educational Paradigm]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2019, vol. 28, no. 11, pp. 77–86.
18. Shkuratov V. A. *Ot Mankhettena do «Nord-Osta». Psihologiya mass-media, politika posle 11 sentyabrya 2001 goda* [From Manhattan to "Nord-Ost". Psychology of Mass Media, Politics after 11st September 2001]. Samara, Samara Federal Research Center RAS Publ., 2002. 102 p.
19. Epshtejn M. N. *Filosofiya vozmoznogo. Modalnosti v myshlenii i culture* [Philosophy of the Possible. Modality in Mind and Culture]. St. Peterburg, Aletejya Publ., 2001. 334 p.
20. Airaksinen T. Conspiracy as a Dirty Secret: The Case of 9/11. In: *Homo Economicus*, 2009, no. 1, pp. 123–141.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 19.08.2020

Статья размещена на сайте: 08.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Знаков Виктор Владимирович – доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail: znakov50@yandex.ru

Viktor V. Znakov – Dr. Sci (Psychology), Senior Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; e-mail: znakov50@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Знаков В. В. Понимание невозможных событий как проблема психологии человеческого бытия // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Znakov V. V. Understanding of the Impossible Events as a Problem of Psychology of Human Being. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.